

ПЕРЕХОДЫ

1865

ГОРОД ПРИЗРАКОВ

ВОССТАНИЕ ЧУДОВИЩА

СКАЗАНИЕ ОЕ АЛЬЯУРОСЕ

1791

1940

Н.В.

АЛЕКС ЛАНДРАГИН

ПЕРЕХОДЫ

Если жить суждено тебе,
лучше семь раз родиться.

Аттила Йожеф

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этой книги я не писал. Она мною украдена.

Несколько лет тому назад в мою мастерскую на улице Бернардинцев зашла известная любительница и собирательница книг Битти Эллинге́м. Она попросила переплести разрозненную рукопись, которую описала как гордость своей коллекции. Сроки и цену она оставляла на мое усмотрение, однако выдвинула одно условие, с которым я согласился: мне не позволялось знакомиться с текстом. Рукопись она полагала бесценной, и переплести я ее должен был соответственно. Мы порешили на том, что переплет будет в так называемом косвевом стиле, с дублюрами и обводкой жемчугом — материалы должна была предоставить заказчица.

Битти Эллинге́м я знал всю свою жизнь. Она из филладельфийских Эллинге́мов. Вышла за бельгийского аристократа, однако, рано овдовев, вновь взяла девичью фамилию и больше в брак не вступала. Жила между квартирой на бульваре Оссмана и своим поместьем в Бельгии. Между собой мы с женой приязненно именовали ее Баронессой, притом что держалась она всегда без малейшей церемонности или чванства. Баронесса была старейшей и самой

преданной моей клиенткой — и клиенткой моего отца до того, как я унаследовал переплетную мастерскую. Посвятив коллекционированию долгие годы, она собрала одну из лучших в мире библиотек, посвященных Шарлю Бодлеру. Была она не просто собирательницей: даже слово «библиофил» не воздает ей должного. Речь идет об одержимости. К своим книгам она относилась с тем же трепетным обожанием, с каким иные представители ее класса относятся к лошадям или винам. Переплеты имели для нее не меньшую важность, чем содержание. Работу переплетчика она считала искусством, а самого мастера мнила едва ли не ровней писателю. Добротный сделанный продуманный переплет, любила она повторять, — это лучший комплимент для книги. Желая сделать заказ, Баронесса лично приходила ко мне в мастерскую и заинтересованно следила за процессом, хотя и не вмешивалась. Ей доставляло особое удовольствие присутствовать при том, как в редкостную книгу вдыхают вторую жизнь, даруя ей столь же редкостный переплет. И поскольку личное собрание Баронессы предназначалось лишь для ее собственных усад, а состояние у нее было неисчерпаемое, она любила потворствовать своим прихотям, доходя до самых пределов, обозначенных законом, а порой и переступая их. Мне довелось переплести для нее редкое арабское издание «Парижского сплина» в кожу черной пантеры, а первое издание «Цветов зла» — в тюленью кожу со вставками из водяного питона.

Через три дня после посещения Баронессы молодой человек на мотороллере доставил мне рукопись. Он не снял шлема, который заглушал его го-

лос и скрывал лицо. Передал мне пакет с рукописью и кожу на переплет. Я тут же поместил пакет в сейф у себя над мастерской.

Начало работы над переплетом связано с принятием множества решений, которые отнюдь не сводятся к выбору переплетного материала. Вставки, накладки, позолота, тиснение, прошивка, штампы, форзацы, экслибрисы, картон, фронтиспис, уголки, каптал, клей, связующие, мраморирование, футляр, титул — все эти подробности Баронесса, при всем ее ко мне доверии, имела привычку обсуждать до начала работы. В тот вечер я вскрыл пакет и осмотрел содержимое. Из черного бархатного кошелька выкатились семь сияющих жемчужин. Приложенная кожа была выкрашена в коралловый цвет. Миниатюра на слоновой кости представляла собой не портрет, что является обычным для косвеева стиля, а стилизованное изображение открытого глаза, выполненное черной тушью. Наконец я взял в руки и саму рукопись. Несмотря на однозначное указание владелицы не читать, даже самый совестливый переплетчик не в состоянии избежать того, что на глаза ему попадутся отдельные слова или фразы. В данном случае я сразу увидел заголовок: «Переходы». Далее шел длинный ряд чисел, тоже написанных от руки, судя по всему, с содержанием рукописи не связанных. Сама рукопись, насколько я понял, состояла из трех отдельных документов, написанных по-французски, притом один из них был значительно старше двух других и выдавал иную руку. Судя по всему, жизнь рукописи была отнюдь не безоблачной: на многих страницах имелись заломы, складки или следы влаги, бу-

мага пожелтела и испускала шоколадно-ореховый аромат, какой исходит от старой бумаги на стадии распада.

Позвонить Баронессе я собрался лишь через неделю — несколько позже обычного, а когда наконец позвонил, то услышал на другом конце провода незнакомый мне мужской голос, который сообщил, что она недавно скончалась, мирно, во сне. Я справился насчет похорон и получил ответ, что они состоялись накануне в ее бельгийском поместье. Новости так меня поразили, что я забыл спросить, как распорядиться рукописью.

Круг собирателей книг достаточно узок, новости его облетают быстро. Два дня спустя, прогуливаясь по набережной Турнель, я встретил Моргану Рамбуйе, букинистку из тех, что торгуют на берегах Сены: она специализируется на романах девятнадцатого века, и мне было известно, что Баронесса — ее постоянная клиентка. Рамбуйе была вне себя от волнения. Она сообщила, что баронесса скончалась отнюдь не во сне. Ее убили, более того, тело обнаружили без глазных яблок. При этих словах я содрогнулся, вспомнив миниатюру на слоновой кости, переданную мне вместе с рукописью полторы недели назад. Я поспешил домой, чтобы ознакомиться с подробностями происшествия в Сети. Некролог в «Монд» повторял версию, которую мне озвучили по телефону: заснула и мирно отошла, а в некрологе в «Фигаро» обстоятельства смерти были опущены полностью. Менее безмятежный отчет о кончине баронессы содержался в краткой заметке из бельгийской газеты «Эко», помещенной там в день происшествия. У человека в подобных

делах неопытного складывалось ощущение, что обстоятельства смерти Баронессы замалчиваются.

Еще много дней мы с женой раз за разом обсуждали случившееся. Не менее, чем само по себе убийство одной из последних гранд-дам Парижа, душу мне бередила судьба этой пары агатово-серых чудес, которые неизменно подмечал всякий ее знавший, а именно — ее глаз. Отец рассказывал мне, что в юности Битти Эллингем не была особенно хороша собой, однако благодаря глазам слыла красавицей. Именно они являлись неиссякаемым источником ее очарования и, возможно, даже ключом к ее участи. Брак с бароном де Круа оказался для нее несчастливym, однако глаза ее так и не утратили своего кошачьего блеска.

Жена моя, всегда отличавшаяся большей, чем у меня, практичностью, считала, что по телефону мне солгали по вполне понятным причинам. «Должны же они думать о репутации семьи, — поясняла она. — Негоже сообщать каждому позвонившему в дом незнакомцу, что Баронессу убили и изуродовали». Мы пришли к выводу, что Баронесса оказалась замешана в каких-то темных книжных делах. Редкие книги способны всколыхнуть в человеке худшее. И, самым естественным образом, это возвращало нас к одной и той же мысли, которая представлялась даже слишком ужасной: могло ли убийство Баронессы так или иначе быть связано с рукописью, которая в данный момент лежала у меня в сейфе?

На протяжении нескольких недель я дожидался распоряжений от душеприказчиков — выполнять ли заказ или вернуть рукопись новому владельцу,

кем бы он ни был. Никто со мной так и не связался. А если я не спешил кого бы то ни было уведомлять, что рукопись находится у меня, то в этом было не одно лишь своекорыстие, за ним стоял страх. Понятное дело, я совсем не хотел, чтобы моя семья разделила страшную участь Баронессы. Помимо моей супруги, лишь один человек на свете мог знать, где находится рукопись: тот, кто мне ее доставил, — а я и лица его не рассмотрел. Даже не мог поручиться, что это мужчина. Принимая во внимание ценность рукописи, я не сомневался, что душеприказчики рано или поздно со мной свяжутся, а потому за работу не брался.

Минуло несколько месяцев, и я наконец пришел к выводу, что за рукописью никто не явится. Судьбе было угодно, чтобы она оказалась у меня. Я решил, что требование Баронессы более не в силе. Раз рукопись — пусть и с оговорками — принадлежит мне, я волен ее прочитать. В лихорадке нетерпения, в один присест, в зимнюю ночь столь студеную, что Сена покрылась льдом, я проглотил все три истории в том порядке, в котором их обнаружил. Первая, «Воспитание чудовища», по всей видимости, представляет собой рассказ, написанный Шарлем Бодлером, хотя иных упоминаний об этом произведении нет ни в одном источнике, если не считать краткой записи в дневнике поэта. Почерк, впрочем, выглядел подлинным, в отличие от самого рассказа — почему именно, читателю станет ясно в дальнейшем. Вторая история, «Город призраков», — своего рода триллер-нуар; действие его происходит в Париже, а написан он, по всей видимости, вскоре после 1940 года: «Воспитание чудовища» является

центром сюжета. Третья история, «Сказания об альбатросе», — из всех самая странная: похоже, это автобиография некой бессмертной чародейки.

Дочитав истории, я в мягком свете первой зари приступил к работе. В итоге я выбрал обычный непримечательный переплет, использовав лошадиную кожу, которую во Франции называют «кожей печали», пурпурного цвета. Я не сомневался в том, что имею дело с ценной и даже бесценной рукописью — как и утверждала Баронесса. Однако обстоятельства, при которых рукопись ко мне попала, наводили на мысль, что привлекать к ней лишнее внимание не следует.

Переpletенную рукопись прочитала и моя жена. Она, впрочем, увидев частоты цифр, нацарапанных на первой странице, сразу сообразила, что это указание на альтернативную последовательность страниц, которой мы дали название «пагинация Баронессы». Жена, в свою очередь, прочла рукопись, руководствуясь этой альтернативной пагинацией. Закончив, убедила и меня прочитать в той же последовательности. К величайшему моему изумлению, передо мной оказалась совсем иная книга, не сборник рассказов, а единый роман, причем весьма необычного свойства. Книга, однако, уже была переплетена, и, с учетом древности и хрупкости ее листов, мы пришли к выводу, что «Переходы» следует оставить в том виде, в каком они ко мне попали — в таком попадут они и к тебе, любезный читатель. Тебе самому решать, читать ли книгу как собрание относительно самостоятельных рассказов или как единый связный текст.